ВЛАДИМИР КОРКИН
(МИРОНЮК)
ВЗЛОМАННАЯ
ВЕРТИКАЛЬ
Skleněný
můstek
2015

Владимир Коркин
(Миронюк)

ВЗЛОМАННАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Современная сага

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Коркин Владимир, выпускник Московского полиграфического института (редакционно-издательский факультет) 1972г. Много лет работал на Севере – корреспондентом окружной газеты «Красный Север» Ямало-Ненецкого округа; городской газеты «Ухта», а также редактором районной газеты и собкором республиканской газеты «Красное знамя» Республики Коми. Шесть лет возглавлял пресс-центр Коми республиканского комитета профсоюза работников нефтяной, газовой и строительной отраслей промышленности. В рескоме профсоюза редактировал также ведомственную газету «За единство». На Северном Кавказе, на Кубани живет с января 1997 года. До июля 2002 года работал в газетах Краснодарского края. Владимир Никорин и Владимир Брусника – литературные псевдонимы. Публиковался в газетах Тюменской области, Республики Коми, Кубани, Ростова-на-Дону, а также в свое время в некоторых центральных изданиях, в т.ч. в газете «Социалистическая индустрия». Награды - бронзовая медаль ВДНХ - Выставка достижений народного хозяйства (за активную работу с рабкоровскими постами, разработку современных рубрик и их реальное воплощение в жанрах на газетных площадях); знак «Отличник печати» и некоторые др. ведомственные. Член Союза журналистов Российской Федерации. В последние годы пишет фантастику и стихи, увлекся исторической тематикой. В Краснодарском крае в 2009г. издал две книги прозы, защитив свои работы ISBN. В 2011 г. в Германии вышли в электронном формате две книги, одну из них «Похождения, катавасии переумка» продублировали на бумажном носителе. В начале 2012г. русская редакция английского издательства «Альбион» выпустила в электронном формате книгу «Три рассказа», а в ноябре 2012г. это же издательство выпустило в электронном формате и на бумажном носителе книгу «Откровения гаснущей звезды», в 2013г. «Альбион» издал книгу «Пространство нелюбви», в которую вошли повесть, рассказы и стихи. В 2015 г. в Чехии на русском языке изданы под фамилией Владимир Коркин (Миронюк) – Миронюк – это один из псевдонимов, по девичьей фамилии матери (родом с Украины (Волынь)) три сборника: «Юго-Западный фронт и другие горизонты событий», «Сеть судьбы офицера Игоря Ергашова» и фантастическая дилогия «В рюкзаке у Времени».

© Владимир Коркин (Миронюк) 2015
© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-036-8

Содержание

Глава первая

1. В КРАЮ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ
2. БАБА ВАРЯ
3. НА ГОРЕ РАЙСКОЙ
4. МАТЬ КАЙГУСЕЙ
5. СКАЗКА О КАМЕННОЙ ИДОЛ-ПТИЦЕ
6. ПОЧЕМУ ЭОЛ НЕ СБРОСИЛ СО СКАЛЫ
7. НЕ СОРВАТЬСЯ БЫ, ГОРЫ!
8. МАТУШКА МИРА

Глава вторая

1. ПРОСТРАНСТВО ВЗЛОМАННЫХ ВЕХ: НАДЯ
2. ПРОВИНЦИЯ: ИСПОВЕДЬ ГАСНУЩЕЙ ЗВЕЗДЫ
3. ПРЕДЫСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ЛЮБВИ
4. ЖИВОСИЛУ ПЕРЕБИЛИ КРЫЛО

Глава третья

1. ОДИНОЧЕСТВО: НЕДЕЛИ, МЕСЯЦЫ, ГОДЫ
2. ПРОСТИ, ВАЛЕРИЯ
3. ХРОНИКА НЕСУРАЗИЦ
4. В КАФЕ ELEFANT
5. ДУЭЛЬ: НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ

Глава четвертая

1. ОТКРОВЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛА
2. КАК НЕ УГОДИЛ МОЧЕВОЙ ПУЗЫРЬ НАЧАЛЬНИЦЕ
3. ВСТРЕЧА С БОЕВИКОМ

Глава пятая

1. СМЕРТЬ КРАДЕТСЯ РЯДОМ
2. НЕ УЗНАЛА
3. ПРОСТРАНСТВО ПАДЕНИЙ И ПОБЕД

* * *

Бунтарская осень.
Бунтарская осень. Отбросив намёки,
К ногам сероглазой с восторгом припала.
Вобрала в себя аромат нежной кожи и утонула
В волне обаянья и трепете ночи.
Аврора уж встала, над горизонтом восстала.
Проснись, волшебство, твоё время настало.

Но падает оземь предвестье прощанья.
Знать, уж зимы белокрылой вращенье.
И бесполезно просить тут прощенье.
Всему свои сроки, всему свои сроки.
Нам скажут поэты и ясновидцы пророки.

Бунтарская осень. Бунтарская осень.
Не хочет она, чтобы всё перекрасило в проседь.
Ещё вон листок рвётся к стынущей розе.
Ну как же не хочется ему в руки упасть
к беспощадной холодной прозе.

Бунтарская осень. Бунтарская осень.
Ещё она гладит нам волосы у вечно зелёных сосен.
Ещё она ласково нас закружит,
Срывая с полей негу беспечных дней и ночей.
И наполнит, конечно,
ладони струями холодных дождей.

Бунтарская осень. Бунтарская осень.
Ты моя одиссея и небесная просинь.

Владимир Коркин

Глава первая

Преодоление: почему Эол не сбросил со скалы

1. В КРАЮ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Ничем неприметная станция Хорей приняла на свой перрон пассажирский поезд. Стоянка короткая. В горной котловине разметались несколько десятков сборно-щитовых домов и сложенных из бруса-шпальника. Стражин, едва ступив на эту давно охваченную холодом землю, отчего-то решил, что уедет в полевую партию нынче же. Хотя, если поглядеть реально, то перспектива сомнительная. Прибыл сюда, не уведомив начальство экспедиции. Так что оказия могла и не подвернуться. Надвигались скорые полярные сумерки. Память, хранившая опыт прежних поездок к геологам, подсказывала: вездеходчики, водители тягачей – вездеходов, предпочитают штурмовать тундровые и предгорные зимники ближе к ночи. Снежная белизна не слепит глаз, ничто не отвлекает от дороги, разве что набегающие порой раздумья о родном доме, о семье, или просто о близких людях. Для многих полевиков их отчий край сродни миражу, до которого только мыслью и можно дотянуться. Предчувствие не обмануло Стражина. Начальник Хорейской экспедиции высокого роста черноволосый и чернобровый украинец Борис Маньчук, с жаром принявшийся рассказывать журналисту главной областной газеты о перспективах новых исследуемых площадей, подтвердил догадку Виссариона, что вечером в Северо-Хорейскую поисковую партию обязательно будет оказия.

– Пойдут четыре машины. Ты буквально разминулся с начальником партии Андреем Разинцевым.

– А что он за человек?

– Как тебе сказать. Если коротко, то родом из Питера. Геолог от бога. Имеет труды, замахивается на кандидатскую степень. И станет ученым! Его родители – буровики. Как писали о них твои

собратья газетчики, подбирают ключи к нефтяным месторождениям. – Борис весело рассмеялся. – Действительно, батя его орудует на буровой глубокого бурения ключами, да ещё какими, от них руки и поясница отваливаются. Ну, а мать – коллектор. Да, Лена, жена Андрея, техник-геофизик. Виссарион, ты ж бывал у нас на Саудейкинском рудном месторождении, он там работами командовал.

– Не припомню. Всё с тобой общался, готовил к празднику очерк. Ты в ту пору ходил начальником партии. Не так ли?

– Точно. Мы тогда на Саудее вели детальную разведку. Помнишь, как на перевале бедовали? А Раиса Мингатулина? Как он куролесил! И нынче он у меня на тягаче солярку жжёт, только отсюда не близко, в Юго- Западной партии.

Надо ли Виссариону особо напрягаться, чтобы восстановить связь времен?

* * *

Вездеходы геолого-поисковой разведочной партии шли на Саудейкинскую площадь, богатую полиметаллами. Это двести километров вглубь гор Большого Камня. Или больше. Кто считал здесь вёрсты? Какой математик возьмётся измерить здешние овраги, малые и большие каньоны, лощины, подъемы на перевалы, распадки, переправы по грохочущим летом речушкам, а то и рекам! Так вот, перевал, по которому карабкались машины, накрыли хмурые тучи. Подпрыгни – и твоя ладонь сорвёт сырые ватные клочья. Вскоре засочилась мутная, мелкая, как дорожная пыль, морось. Унылое однообразие горных кряжей, зажатых тучами, скрадывали редкие здесь островки до отчаянности жёлтых цветов. Вершина перевала, голая и плоская, словно грубо оструганная столешница, являла собой адскую смесь гравия, глины, щебня, песка, камней. Ненастье. Хлебнули ребята лиха на перевале. Вездеход, где коротали время Маньчук и Стражин, «разулся». Машина наскочила на ребристый валун, порядком скрытый наслоениями всё той же адской смеси, и один из стальных пальцев, связывающих звенья гусеницы, лопнул. Трак остался позади

рвавшегося вперед вездехода, метров, этак, в двадцати с гаком. Решив преодолеть расстояние за счет скорости, водитель запустил двигатель на все обороты и дал задний ход. Надсадный рёв, сизые клубы выхлопных газов окутали раскисшую землю. Ни назад, ни вперёд. Сплошная няша. Какая тут раскачка! Накрепко увяз разутый тягач. Выход один: всем впрячься в трак и подволочь его по вязкой грязи к машине. Под дружное:

-Ээ- эй уу- уухннем! – сантиметр за сантиметром подтягивали геологи чудовищно тяжёлую гусеницу к вездеходу. Рядом с Виссарионом чертыхался Борис Маньчук. Утробно чавкала хлябь, соскальзывали с металла насквозь сырые брезентовые рукавицы-верхонки. Саднило поясницы, трещали мускулы, и мнилось парням, что ещё одно мгновение – и лопнут жилы, изойдут они кровянкой, и не подняться с корточек тем, кто вздумал присесть. Занудный небесный душ смешивался с ядреным солёным потом, слезами, незаметно смахиваемыми рукавами фуфаек с измученных и грязных лиц. Трудная мужская работа. Люди «колдовали» до поздней серенькой полярной ночи, пока не «обули» вездеход. Потом, не чуя под собой ног, разбрелись по своим машинам и свалились на спальные мешки, забылись свинцовым сном. А под утро со студеного моря ворвался на перевал ледяной ветер, вымел остатки тепла из крытых грубым брезентом кузовов тягачей. Жестокий холод поднял на ноги геологов. Первым, путая спросонья татарские и русские ругательства, высказал таким манером своё неудовольствие суровым рассветом водитель соседнего тягача Раис Мингатулин. Он повернул замок зажигания, бешено заколотилось могучее сердце машины. Сон разлетелся вдребезги. Пробуждение возвращало ребят в реальный мир, на макушку перевала горы Черной.

Неудача кралась за отрядом по пятам. Едва спустились в долину, как вышла из строя другая машина. Сколько водители не колдовали, она безмолвствовала. Никакое волшебство «золотых» рук не могло её оживить. Маньчук, чтобы избежать превратности судьбы, одну машину на ходу оставил здесь, а две отправил на базу экспедиции за запасными частями для вышедшего из строя

вездехода. Техника скрылась из глаз. За тем самым коварным перевалом, пряжкой громадного ремня перехватившим и этот начинавшийся у основания горы неглубокий каньон, где стиснутый горной речкой Пайпудындой и цепью невысоких гор, сиротливо уткнулся в хилый ивняк и тальник сломавшийся вездеход. Оставшиеся геологи собрали сушняк, скоро языки пламени живо лизали ветки под походным треножником. Заметалась в котле вода. Ладони обжигала подгоревшая на жарких угольях картошка. Ходила по кругу банка рисовой каши с тушёной говядиной, хрустела на зубах подгоревшая корка картохи. Жгла пальцы старая солдатская кружка с чефиром – крепчайшим и вкуснейшим чаем. В нём волчком кружились алые бусинки брусники, собранной на зелёной полянке, обрамлённой карликовыми березками, живущими, невзирая на любую непогодь, на скуднейшей почве. А над горсткой геологов разворачивались полотнища зловещих плотных туч, будто рождающихся в здешних глухих ущельях. Где-то далеко отсюда на востоке или западе они сольются в мрачную громаду, испепелят небосклон огненными рукавами молний, исхлещут мир ледяными дробинами – градинами и скрученными в жгут смерчами.

– Это и быть у чёрта за пазухой, – невесело обронил Мингатулин. – Чем бы дельным заняться, кунаки? А то палим кострище. Так вонючей соляркой и прожжём пупок земле – матушке.

К вечеру настроение испортилось у всех. Томило вынужденное безделье. Вернул ребятам бодрость духа завхоз партии Романыч, как его все величали, развеселивший нехитрыми побасенками.

– Гха, – начал Романыч, пропавший было на несколько часов невесть куда, – так вы щож мэнэ нэ бачили во-оон на тий вэршины? А я вам, хлопцы, звидтиля и кричал, и палкой махав. Ох, и красота ж там! Пидемо уси, га? Ось у тую сторону хатыны в двисти этажей, и думается мне, что Нею-Йорка там, не инше.

За Романычем на вершину, на ночь глядя, никто и не подумал идти. Посмеиваясь, ребята пытались убедить его в том, что он брешет напропалую.

– Ни, – серьезным тоном уверял Романыч, – Нею-Йорка там, а туды – Москва. Сам бачив. Ось пидемо, побачите…

– Не вры, кунак, – занервничал нетепреливый Раис. – Я на тушке – ТУ – километров на десять взмывал и ни шиша из иллюминатора не бачив, – поддразнивал он говоруна. – А тут, тьфу, пятисотметровая горушка. Хе-эх. – И под одобрительный и усталый смех парней заключил: – Ты, дед Романыч, не иначе как з глузду зъихав – спятил.

– Ни, – добродушно продолжал незлобивый завхоз, и глаза у него были в тот момент правдивее правды, – ты парень глазастый, да не в ту степь. А ежели я падамусь на пять или десять тыщ, то не оленей побачу у моря, не лебедей даже, не Неюйорку тэж, а усю Амэрику и Аустралию, бо зрением бог меня не обидев…

Утром, едва рассыпалась, распалась, прорванная зубцами гор негустая здесь, неплотная шаль августовской ночи, как геологи высыпали из машин. Кто вприпрыжку умчал к реке, кто подался в кусты. Стражин с Маньчуком на берегу. Будто и не вода, а лед! Обдирает щеки старое, замызганное в дороге, вафельное полотенце. А когда сквозь серую облачную пелену пробились лучи долгожданного солнца, посветлели лица геологов, потеплело на душе. Полыхает костёр, каруселью ходит речная вода в ведерном чайнике, донельзя прокопчённом. И как вчера прыгает в ладонях горячая картофелина, переходит из рук в руки банка с мясными консервами. Виссарион подталкивает локтем Маньчука:

– Глянь, пятно коричневое в лощине. Никак олени.

– Э гей, олени. Дикие. Жаль, нет бинокля, он у Паши, водителя головного тягача, что ушел на базу экспедиции. Впрочем, мы ещё полюбуемся ими. Наш лагерь они не минуют. Тропа рядом. Поднимемся чуть выше, так и быть, посвящу тебя, – улыбнулся Борис.

Они направились к склону горы Чёрной. Поднялись метров на сто. Возле носков сапог то и дело шмыгали крохотные зверьки в коричневато-серой шубке.

– Лемминги нынче порядком расплодились, – прокомментировал Маньчук суету зверюшек. – Будет где зимой охотникам разгуляться. Что твои брови торчком? Где лемминги, там и песцы. Они рады полакомиться этими грызунами.

– Значит, лисы и волки будут тут как тут.

– Верно. Знаешь, какие тут водятся волчары полярные? Гиганты. Если будешь гостем фактории в Лаборзовой, загляни в склад, увидишь шкуры. И мишки косолапые летом здесь у рек шалят. Эти хитрые черти обожают хариусы. Рыба знатная. – Маньчук цокнул языком, перевел дыхание. – Слухай дале, хлопец. Оленям надо прорваться из лощины вон через тот проход, что у горухи напротив нас, куда вчера Романыч взбирался. Дальше, километрах в семи, есть чудо-озеро, вокруг мягчайший мшаник, пастбище на диво. Хорошо бы там и самому всласть поваляться – побарахтаться с какой-нибудь кралей на той перине моховой, – со смехом заключил Борис.

– Маньчук, не орёл над нами?

– Да, это орёл беркут. Однако крупный экземпляр. Размах крыльев наверняка под два метра. Красавец. Темно-коричневый, а шея ржаво-жёлтая.

– Неужто цвет шеи разглядел? Зачем тебе вообще бинокль!

– Чудак, просто знаю. И в неволе видел. Ишь ты, парит. Добычу выследил – хилого больного олешку или сосунка-несмышлёныша.

Их мирную беседу прервал рокот мотора. Клубы дыма обволокли вездеход и он, подминая хрупкий мох, высекая полотнищами гусениц искры на камнях, набирал скорость, держа курс на оленье стадо.

– Бежим, хлопчик, та живенько! Живо! – рявкнул Маньчук, сбрасывая телогрейку. – Не зевай, у Раиса ружьё. Натворит, чертяка, дел!

Лишь глубокие трещины, перерезавшие в нескольких направлениях небольшой каньон и местность выше, не позволяли Мингатулину вести машину прямо к цели. Проклиная горячий характер Раиса, Виссарион и Борис мысленно отдали должное профессионализму водителя. Он в хаосе валунов, умело лавируя, выбирал единственно верный маршрут, позволявший беречь вездеход и уверенно приближаться к всполошившемуся коричневому пятну оленей. Геолог и молодой журналист уже прикинули,

в какой точке должен пересечься их бросок и виртуозное кружение машины вокруг каменных глыб. В груди мужчин клокотал горячий воздух, готовый разорвать лёгкие. Решительный рывок приятелей наперерез юркому вездеходу. В десяти метрах от них машина незадачливого Раиса резко тормознула.

– Да я что, кунаки, в лепёшку меня расшиби, разве не охотник? Надоела тушёнка. Олешки-то бесхозные, дикие. Так чего мы? – недоумевал Мингатулин, побрякивая кастаньетами, приобретенными по случаю в отпуске на Черноморье. За эти побрякушки ребята в партии в шутку порой его величали: «Не гранд, не опера, зато нашего, холера, колера». Так Раиса представляли чаще всего в дружеских компаниях. И потому Маньчук под соответствующее настроение грозно брякнул:

– Скажи спасибо, что ты не гранд и не опера, а нашего, холера, колера. Ещё раз подобное коленце отломишь, и вылетишь из партии в два счёта! Не шуткуй, хлопче, бо будет бо-бо!

– Да пошли вы все! – взыграл горлом гордец и пулей вылетел из машины.

Вернулся он под утро, весь исцарапанный. Словоохотливый Романыч поведал, что Раиска поцапался в подлеске с рысью, если бы не охотничий нож и кастаньеты, то его им больше не видать. То ли пошутил эдак Романыч, то ли хотел разжалобить ребят и начальника Маньчука, чтобы они не держали на парня зло, но никто у Раиса не допытывался, что и как приключилось с ним ночью. А вечером к горе Чёрной вышел вездеход соседней геолого-поисковой партии, а после нагрянули машины с базы экспедиции с запасными частями к двигателю. Случай с Раисом как-то сам собой в суете ремонтных дел забылся. Или, быть может, ребята просто не хотели помнить необдуманный выверт своему порой взбалмошному, но честному трудяге, товарищу-собрату их нелёгкой судьбы. Тягач подлатали, а там и Саудей, проходчики горных выработок. Всё это, пока Маньчук разливал по чашкам аппетитный чай, как бы фрагментами из прошлого поднялось из уголков памяти Стражина.

От карты к карте водил Борис давнего знакомого, поясняя, ка-

кие головоломки решают геологи на различных площадях поиска полезных ископаемых.

– Да, Виссар, тебе место в гостинице забито. Иди, отдохни перед дорогой. Вечером шуруй в гараж. Я дам распоряжение Разинцеву, поедешь в его партию. Счастливой дороги, приятель!

* * *

Ноябрь. Холоден и мрачен на Севере этот осенний месяц. Бьёт снежная крупа, вьюжит. По одним известным им приметам водители трёх вездеходов держат курс на базу Северо-Хорейской поисково-съемочной партии. Работы там практически свернулись. Предстояло, оставив охранника и рабочего, захватить на базу экспедиции последних геологов, кое-какой инструмент, геофизическое оборудование и, немедля в дорогу, пока не перемело горную трассу. Вездеходчики спешили, в партии кончались продукты, «села» рация. Там две недели люди оторваны цепью гор от всего мира. Посланные раньше тягачи не смогли пробиться к месту. Дорогу преградил внезапно разыгравшийся буран, отголоски которого докатились и до поселка Хорей. Теперь на выручку двум застрявшим машинам, и ожидающим помощи работникам партии, экспедиция выслала сразу три вездехода. На свою ведущую машину Андрей Разинцев, по просьбе Маньчука, взял Стражина. Виссарион примостился в крытом кузове возле каких-то ящиков, положил голову на кофр, в котором кроме полотенца, запасной рубашки, шаровар, мыла, были блокноты с шариковыми ручками и карандашом, старый фотоаппарат ФЭД. Рядом клевали носом несколько рабочих. В темноте он их не разглядел. Зажмурив глаза, Виссарион отчего-то вернулся в прошлое, к той горе Чёрной, где в прошлый приезд в экспедицию ему довелось с парнями куковать у перевала. Его внезапно охватило такое же, как тогда, в первую ночёвку в вездеходе, чувство непреодолимого одиночества. Словно очутился в каком-то замкнутом круге, из которого нет выхода. Сейчас сердце билось неровно, как-то рвано стучали молоточки в висках. Он уже начал подумывать о том, что непростительно для его накопленного жизненного опыта ребяческое стремление

непременно подняться на гору Хорей, именно в ту партию, где теперь ждет оказии Лена. Ему было невыносимо сознавать, что рядом с водителем, облокотившись на железную рубашку двигателя, покрытую старой чёртовой тканью, сидит в меховом комбинезоне тот, кто приходится Лене мужем. До него рукой подать, от этого ему было больнее. Лена. Сколько же лет он носит в себе её образ. Как глубоко она запала в его душу. Его охватило чувство страстной необходимости повидаться с ней, непременно, а там будь, что будет. Он сейчас подспудно жил ожиданием предстоящей встречи, зная наперёд, как разбередит своё сердце, и быть может, её тоже. Стражин предугадывал – это будет последнее свидание с неоперившейся молодостью, с некогда так желанной Леной, и с той чудо птицей на горе Райской, и с кошмарной адской зимней ночью, когда его, полузамерзшего, полуживого притащил в домик метеостанции отец Лены.

2. БАБА ВАРЯ

Тряско в тягаче, не по накатанному зимнику бежит машина, чуть угарно. Укачивает. Смежил Виссарион веки. Да не до сна. Перебирает в памяти прожитое. Мысли, как палая листва на ветру, будто шуршат, никак не уснуть. Все пережитое в Сетарде с новой силой обрушилось на него. Вот он стоит на борту теплохода. И словно кто-то ловко наброшенным волосяным арканом – тынцзяном перехватил Виссариону горло, когда «Омик» плавно отвалил от дебаркадера. Глотнуть бы Стражину вдоволь воздуха, отважиться да махнуть через перила в светло-зеленую волну. Там ему и чёрт не брат: саженками, что есть духу, гнал бы он своё тело к манящему берегу Сеты. Но быстротечны коварные минуты, никак уже поздно. Вот-вот мелькнёт за кормой речной поворот, и сотрётся угорье с взбегающими по нему рублеными из сосняка и лиственницы избами, с неровными заплатками огородов, с негустыми тут пролесками, с редкими деревцами. Тайга намного южнее. Здесь лесотундра. Пропали из глаз последние домики, опоя-

санные сеновалами, поленницами дров. Наконец растворила даль и высокую маковку старинной церкви.

Толкает железное сердце гребные винты, милю за милей оставляет позади себя судно. Носятся над теплоходом и рекой неугомонные чайки, падают вниз, вспарывают клювами гребешки волн, снова взмывают к солнцу. О чём кричат они, что видят? Возвращаются птицы к далёкому берегу, к растаявшему в неообозримом северном просторе Сетарду. Не может за ними последовать Стражин, не в его силах изменить курс «Омика». Да и к чему? Поздно. Разве время повернуть вспять? Решено твердо, он уезжает насовсем. У него будет похожая на прежнюю, но совсем иная жизнь журналиста уже областной газеты. Жизнь, лишённая прелести былого мальчишества, порой безрассудных поступков, отмеченных одним наитием, движением души. Тогда, на палубе теплохода, он остро осознал, что с ушедшим в прошлое деревянным провинциальным Сетардом, уже невозвратны годы молодые, золотая пора мужания, превращения птенца во взрослую птицу. Как ныло сердце Стражина. Не паутиной, волосяной петлёй на куропатку, железным капканом держит память пережитое.

Присетинский район. Там, за речными излучинами, остались закадычные друзья, приятели. Сколько тепла в их скромных жилищах, тепла неподкупных душ. Разве забыть Виссариону скитальцев геологов, с кем он не раз коротал время у походных костров, в балках-вагончиках. Здесь до хрипоты спорил Стражин с друзьями о будущей базе строительной индустрии района, читал в подслеповатое хмурое небо стихи Заболоцкого. «Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница…» Хорошо тогда думалось вслух о грядущем. Как все они были до непочтения молоды. Давно поглотила река остатки дневного тепла. Пора бы Стражину спуститься в салон, только мыслями он там, в Сетарде.

На юго-восточной окраине городка плотно вросло в облысевшую сопку неказистое бревенчатое здание редакции районной газеты «Знамя Севера». Собственно, комнаты районки занимают второй этаж – верхотуру. Если корреспонденты встречались в городе, и один из них говорил: « Я иду на верхотуру», так это

означало – его путь лежит в редакцию. На первом этаже типография. Там, на верхотуре, прошла «отвальная», скромная напоследок угощаловка собратьям по перу. Когда журналистская братия разбрелась по домам, он присел за столик с пишущей машинкой «Олимпия». Лучшие годы жизни провела за клавишами видавшей виды пишмашки баба Варя. Она пришла сюда молодой женщиной, да и состарилась рядом с этой «громыхалкой». Кабинетом бабы Вари была холодная приёмная, в которой ютились еще бухгалтер Зоя Порфирьевна и корректор Зинка, по совместительству вторая машинистка. От них, по правую руку, кабинет редактора, по левую – замреда, заместителя шефа. Двери, ведущие к газетному начальству, всегда плотно закрыты: оно творит, разворачивая на газетных полосах перед коллективом свою тактику и стратегию в борьбе за лучезарное будущее, или вычитывает сигнальный экземпляр очередного номера. Если влезть на высокий чердак здания, то через его окно видны все воплощенные краснознаменные идеалы о всеобщем благе. Как на ладони грязный, зачуханный деревянный городок, построенный без царя в голове. Ему трудно, разве рыбой, пушниной и оленеводством можно без дотаций прокормить район, по территории не уступающий нескольким европейским государствам. Он обретёт новое дыхание только в завершающие двадцатый век два десятилетия, когда протянут сюда свои щупальца газовые и нефтяные спруты-гиганты. Без бинокля можно с верхотуры обозревать окрестности города. Вон там большое поле, холмики, заросшие кустарником и хилыми деревцами, где спят вечным сном ещё царские ссыльные, а рядом с ними зеки, не вынесшие непосильного труда, изуверских условий быта, издевательств репрессированные в тридцатых – сороковых годах века двадцатого. В прошлом – это работяги, колхозники, кубанские и донские казаки, белогвардейцы, служащие, учёные, писатели, священники, военачальники, партийные и советские деятели. Словом, все те, кто по разным причинам не вписался в структуру жизни в борьбе за мировое коммунистическое братство. Поодаль теснятся учебные заведения, клуб партпроса-партийного просвещения, улочки деревянных домов с ще-

лястыми тротуарами. С высокого берега Чертухи, притоки Сеты, сбегает гравийка к судоремонтной базе.

Однако вернёмся в приёмную редакции. Сюда несут почту: газеты центральные и соседних районов, объявления, письма дорогих читателей, надеющихся через районку достучаться до дверей непробиваемых кабинетов местных чиновников. Сюда спешат поскорее сдать материалы на машинку корреспонденты, по-тогдашнему литературные сотрудники. Им позарез нужны строчки, а это гонорар, а гонорар – святое дело.

– Да не гомоните, ребятки, – урезонивает литрабов баба Варя. – Всем хочется попасть в номер, знаю. Отстучу в срок, не галдите. Тшшш-шша.

Отсюда, из приёмной, слышно, как в коридоре выясняют отношения ответственный секретарь редакции и негодующий верстальщик – метранпаж. Значит, надо капитально урезать чей-то набранный материал, а то и вовсе заменить его другим, плюс дополна правки в гранках. Кому охота допоздна гнуть спину в типографии! А в приемной, действительно, шумновато, что тут скажешь. Зато и весело. Вот кто-то заливается над очередным номером стенгазеты «Тяп-ляп», где что ни строчка, то нарочно не придумаешь. А какого-то должника, не уплатившего профсоюзные взносы, распекает Зоя Порфирьевна. Словом, сутолока. Потому ли что тут двери часто нараспашку, или оттого, что дом, помнящий прабабушек и прадедушек сетардцев, весь щелястый, сквозит в нём хорошо. Сколько в субботники газетчики ни конопатили стены, всё не впрок коню корм. В дюже ветреные зимы сухая штукатурка прогибалась. Но гляньте-ка в приветные погожие дни из окна приёмной: почитай под боком скользит Чертуха, бурливая, норовистая по весне и тихо шепчущая струями летом. В пору травостоя её заливные луга – чистый изумруд. За ними, на не круто крадущемся ввысь взлобке, начинается лес смешанный, с елью, осиной, березой, сосной на взгорьях. Дальше на юг, километров за триста отсюда, шумит крутобокая тайга. Настоящая! Берегись, новичок, не ровен час заплутаешь. А лес что, он матери иногда нежнее, отца роднее. Доброго леса не страшись: не подве-

дет, не собьет с пути, не нагонит страху. Приходи сюда в любую пору, лучше посередке лета и осенью. Грибов-то косой коси. А ягод – голубики, черники, малины, красной смородины, брусники, морошки, клюквы на болотинах – пропасть, тьма. Правда, каждой ягоде свое времечко. Если ты охотник, ждут тебя озера дальние, где жирует дичь. Просторно. Устал с дороги? Пади на опушке леса в мох – лесную постель. Послушай, как поигрывает листвой ветерок, как в нежно- голубой небесной божьей выси разноголосо поют птицы, как по осени в стаи собираются дикие утки, гуси. Вдохни глубже целебный нектар воздуха, погладь слегка зеленую травинку, подремли, разгони мысли – сумрак, коли они тебя навестили, развей их скорее. Не скрывай горючих слёз, думая о вечной прелести Матушки Природы, о поре нашего расцвета и увядания, о многоликости Жизни.

Люб здешний северный край бабе Варе. Всё тут ей мило, приглядно. По нраву и работа машинистки в редакции газеты. Она первый читатель и критик, добрый советчик и старший друг. Особо нравилось баб Варе печатать очерки, зарисовки о людях.

– Ай, славно-то как, – скажет, бывало, – добротно как, просто и чисто.

В глазах её ласка мамина, а улыбка словно говорит: «Написал хорошо, а как похвалить лучше и не знаю даже». Доброе белобровое русское лицо, с морщинками – лучами, разбегающимися от припухших век к уголкам маленького рта. Но берегись неудачник, подсунувший под «Олимпию» наспех скроенный газетный материал. Баба Варя потемнеет лицом, отведет в сторону глаза, подергает концы пухового, дивной вязи платка и тихо молвит:

– Никак, устала нынче, пальцы не разогну. Зайди, дорогуша, часа через полтора, а? Сам покуда вычитай своё рукоделие.

Эти «дорогуша» и «рукоделие» повергали строчкогона в трепет. Брёл он, сгорая от стыда, в свою комнатушку и корпел над рукописью до чертиков в глазах, до звона в ушах, до сосущей боли в молодом пустом желудке, до самого последнего позднего рабочего часа, готовый стерпеть любую нахлобучку начальства, только не «дорогушу» старой машинистки. Правда, в сво-

их кабинетиках – закутках лихие корры-газетчики потихоньку подшучивали над тем, как, подкашливая, покряхтывая, словно мамка-утка возле выводка, возится баба Варя с их «косолапыми» рукописями. Передразнивали незлобиво, как бочком усаживалась она за «Олимпию», обложенную со всех сторон страничками с едва разборчивыми почерками, как что-то подкручивала в ветхой пишмашке, чистила щеточкой и специальной тряпочкой железное нутро, смазывала его. А как забавно поправляла съехавшие к переносице очки, как переспрашивала, прикладывая к уху ладошку, ведь шумно, неразборчиво написанное слово, которое по её мнению курица-ряба лучше накарябает. Подшучивала, судачила о ней молодежь для красного словца, беззлобно, с оттенком добродушия. Такова натура молодости, ее психология: без юмора, шутки – и жизнь не в радость. Но уж кому молодые газетчики порой перемалывали косточки, так это корректорше Зинке. Ей всего двадцать с хвостиком, а квелая, будто прошлогодний капустный лист. С тяжким сердцем, нехотя плелись к ней ребята печатать материалы, – это когда бабу Варю донельзя загружало газетное начальство. Казалось, шли «на ковёр» к шефу. Но если тот лишь отчитает за ремесленничество, то эта, окаянная, и зевает-то при тебе, и гримасничает, давая понять, дескать, ты нуль без палочки. И невнимательная! Правок после её стукотени иногда несчесть, то знаки препинания пропустит, то абзацы перекрутит. Лень ей за копеечную надбавку корпеть над чужими строчками. Больше всего маяты с ней летом. Надо кому-то немедля переделать статью, и пытается горемыка перекраивать корреспонденцию прямо у машинки, на ходу, что называется. Завотделом ждет! В номер нужно ставить! Зинка сбрасывает пальцы с клавиш, и ну хныкать:

– Ну, чоо-оо с такой подкладкой лезешь, невежа. Перелицовывай давай в отделе. Мне на твоего зава ровным счётом, чхи. Расселся тут, стул расшатываешь.

Кто поупрямей, тот не шелохнётся, черкает себе ручкой по листу да бубнит ей правленое. А Зинка руки скрестит на груди тщедушной, глаза прикроет. Мать ты родная! Разморило на солнышке. Реснички-коротышки подрагивают под прядью буро-ржавых

волос. Недолюбливал её и Виссарион. К тому же слыла она девонькой крученой, с которой ухо надо держать востро. Впрочем, мало ли какие сплетни народ, липнущий к редакции, распускает. Однако все предложения Зинки сбегать с ней в кино на вечерний сеанс, Стражин вежливо отметал. Лучше он погостит у бабы Вари. С той можно хоть поговорить обо всём на свете. Правда, приятельские отношения у них возникли не сразу. На первых порах доставалось от неё и Виссариону. И ему она говаривала:

– Устала что-то, пальцы отказывают. Что же ты, Василий (его в редакции, кроме редактора и его зама, все так звали), весь промышленный отдел всю неделю скукоту гонит и ты туда: через пару строк цифра на цифре, а к ним фамилии пришпилены. Может, еще посидишь, покумекаешь?

Пристыдит этак старая, а с души, будто камень сброшен. Правда, зачем в газету тащить, что ни попадя. Сгребал парень странички рукописи и отправлялся за кургузый письменный стол. Но что удивительно, никогда баба Варя не величала его «дорогушей». Благоволила она к нему, что ли, хотя ко всем ребятам относилась по-свойски, как-то по-домашнему, точно все они её дети, но каждый своего разумения. Парни принимали эту любовь с почтением, девушки с лукавинкой, чуть снисходительно, как и подобает тонко чувствующим, многое уже, якобы, повидавшим и испытавшим – это в свои-то двадцать с копеечкой, людям. Любили и берегли газетчики свою бабу Варю. Она же в последнее время что-то стала прихварывать. Потому старались поменьше огорчать её, не подсовывать «цифирных» рукописей, не ссориться при ней. Частенько бегали в ближайший магазин за снедью для неё, к зиме помогали в лесхозе раздобыть машину березовых дров, парни кололи их. Жалели бабку по-русски трогательно, нежно, не подавая при этом никакого вида, дескать, так в редакции заведено, и всё тут. Газетчики знали, сколь зло обошлась с ней в молодости судьба. Фашистские бомбы настигли эшелон, в котором её семья эвакуировалась в Сибирь. На глазах Вари повалились в траву сбитыми пшеничными снопами мать с отцом. А в студеную зиму третьего года войны Второй мировой, крепко простудив-